

В. А. Тирахова<https://orcid.org/0000-0003-3621-2294>**Репрезентация образа России в отечественном и зарубежном кинематографе**

Выполнено по гранту Российского научного фонда № 14-18-01833-П

«Текст и контекст массовой культуры: российский дискурс»

В рамках настоящей статьи обозначен характерный круг национальных стереотипов о русской культуре, воплощенных в конкретных образах отечественного и мирового кинематографа, что позволило выявить специфику имиджа России, создаваемого и транслируемого в западной массовой культуре, и определить основные тенденции репрезентации образа России в современной отечественной массовой культуре.

В ходе исследования выявлены две основные тенденции, характерные для репрезентации образа России в зарубежном массовом кино. Первая – экранизация русской классики, значительно упрощающая сюжет, конфликт и образы классического произведения. Вторая – изображение типичного русского пространства России и русских героев в современном мире. В зарубежных фильмах, обращенных к русской культуре, образ России остается традиционным и воплощен в стереотипных знаках русской культуры. Отмечено, что для отечественного кино актуальна экранизация отечественной литературы, направленная на популяризацию русской классики.

При анализе отечественного кинематографа сделан вывод о том, что отечественные фильмы в последние годы репрезентируют образ России, основанный на национальных стереотипах, в фильмах, обращенных к фольклорным сюжетам или историческим событиям. В основе первых лежит манипуляция фольклорными образами. В историческом кинематографе на первый план выходят фильмы, реабилитирующие советское прошлое, через его идеализацию и мифологизацию, одновременно происходит десакрализация знаковых образов Российской империи. Актуальными становятся фильмы историко-биографические, где создан образ культурного героя, при этом тематически такие картины связаны с актуальной социокультурной ситуацией. Для обоих типов фильмов характерно сочетание традиционных сюжетов со штампами современного мирового кино.

Ключевые слова: репрезентация, зарубежное кино, отечественное кино, кинематограф, массовая культура, образ России, национальные стереотипы.

V. A. Tirakhova**Representation of the Image of Russia in National and Foreign Cinema**

Within the present article the characteristic circle of national stereotypes about the Russian culture is designated, embodied in certain images of national and world cinema that has allowed to reveal specifics of the image of Russia, created and broadcast in the western popular culture and to define the main tendencies of representation of the image of Russia in modern national popular culture.

During the research two main tendencies were revealed, typical for representation of the image of Russia in foreign mass cinema. The first one is a screen version of the Russian classics considerably simplifying a plot, conflict and images of the classical work. The second one is representation of typical Russian space of Russia and the Russian heroes in the modern world. In the foreign movies appealed to the Russian culture, the image of Russia remains to be traditional and is embodied in stereotypic signs of the Russian culture. It is noted that the screen version of national literature directed to promote the Russian classics is relevant for national cinema.

The analysis of national cinema caused a conclusion that national movies represent the image of Russia based on national stereotypes in the movies appelled to folklore plots or historical events in recent years. Manipulation with folklore images is a cornerstone of the first ones. In historical cinema in the forefront there are movies rehabilitating the Soviet past by means of its idealization and mythologization, at the same time there is desacralization of sign images of the Russian Empire. Historical and biographic movies are relevant, where the image of the cultural hero is made, and at the same time such pictures are connected thematically with a relevant sociocultural situation. The combination of traditional plots with marks of modern world cinema is characteristic for both types of movies.

Keywords: representation, foreign cinema, national cinema, cinema, popular culture, image of Russia, national stereotypes.

В рамках настоящей статьи мы обозначим характерный круг национальных стереотипов о русской культуре, воплощенных в конкретных образах отечественного и мирового кинематографа, что позволит нам выявить специфику имиджа России, создаваемого и транслируемого в запад-

ной массовой культуре, и определить основные тенденции репрезентации образа России в современной отечественной культуре.

Ключевыми понятиями в исследовании образа России в мировом кино стали «имидж» и «стереотип», в первую очередь, необходимо подчеркнуть их взаимосвязь с массовой культурой. У. Липман, впервые обративший внимание на понятие «социальные стереотипы», подчеркивал, что социальные стереотипы представляют собой основной мыслительный материал, на котором строится массовое сознание [4, с. 61]. Именно массовая культура, по мнению Т. И. Ерохиной, становится фактором формирования и репрезентации национальных стереотипов [1, с. 397]. Н. Н. Летина называет имидж одной из значимых доминант массовой культуры, имеющих различные измерения (социокультурное, духовно-нравственное, психологическое, коммуникативно-технологическое) [3, с. 60].

Близость дефиниций «имидж» и «стереотип» на содержательном уровне находит свое отражение во многих современных исследованиях. У. Липман определял стереотипы как устойчивые представления или образы о чем-либо, являющиеся частью упрощенной, схематичной модели действительности в сознании человека [4, с. 61]. Т. И. Ерохина, говоря о природе формирования и бытования национальных стереотипов, подчеркивает, что они тяготеют к стереотипизации, клишированию и имеют достаточно устойчивый (в «воспроизводимости», тяготением к стабильности) и эмоционально выраженный (в восприятии и оценке) характер [1, с. 396–397]. Н. Н. Летина, в свою очередь, определяет «имидж» как понятие, фиксирующее стереотипические схемы продуцирования, сохранения, трансляции, репрезентации как продуктов современной массовой культуры, так и культурного наследия [3, с. 60]. Таким образом, очевидно, что понятие имидж шире, более того, стереотипы могут быть основой и составными частями имиджа. При этом стереотип определяется как устойчивый образ, а имидж отличается динамичностью, может быть как искусственно создаваемым, так и стихийно возникающим [3, с. 68].

Необходимо подчеркнуть функциональную противоречивость и двойственность национального стереотипа. С одной стороны, к основным функциям национальных стереотипов относят упрощение и схематизацию образа нации, закрепление его в культурной памяти, что способствует формированию субъективной оценки; а с другой

стороны, национальные стереотипы способствуют формированию национальной идентичности, отражают механизмы преемственности, способствуют формированию «мест» культурной памяти, являются основанием межкультурной адаптации и мотивации поведения [1, с. 397]. Содержание, образ и репрезентация национального стереотипа в массовой культуре многозначны и вариативны, что дает исследователю определенную степень свободы интерпретации.

Таким образом, посредством анализа репрезентации национальных стереотипов в мировом и российском кино мы определим специфику имиджа, образа России в западной и отечественной массовой культуре. Исследователи выделяют **две основные тенденции** обращения к национальным стереотипам о русской культуре **в зарубежном кинематографе.**

Первая – экранизация русской классики [1, с. 398], в первую очередь, произведений Ф. М. Достоевского и Л. Н. Толстого. Одним из излюбленных иностранными режиссерами произведений является роман «Анна Каренина» Л. Н. Толстого. На сегодняшний день известно более тридцати экранизаций романа, из них русских меньше десяти. Возможно, интерес к данному произведению обусловлен ярким мелодраматическим сюжетом, роман полон страстей, конфликтов и интриг. В. В. Набоков назвал его одной из величайших книг о любви в мировой литературе [5].

Мы обратимся к одной из последних киноверсий «Анны Карениной», снятой английским режиссером Дж. Райтом в 2012 г. Анализируя фильм в контексте репрезентации национальных стереотипов, необходимо отметить, что художественное пространство фильма раздвоено на деревенский мир природы и роскошный мир высшего света, условно изображенный как театральный зал, в котором проводят балы, скачки и т. д. Образ театрального зала подчеркивает неестественность, наигранность и формализованность этого мира. При этом Анна Каренина (К. Найтли) – равноправная часть этого мира, она ничем не отличается от других светских особ. Ее роман с Вронским (А. Тейлор-Джонсон) изображен как простая светская любовная связь, от которой молодой граф быстро устаёт. Анна, в свою очередь, постоянно впадает в истерики ревности, которые скорее становятся следствием наркотической зависимости, чем страстной любви.

Миру Анны и Вронского противопоставлен мир Левина (Д. Глисон). Пространство Левина

можно назвать традиционно русским, зачастую он появляется на фоне широких полей, у стога сена или в интерьерах типичного деревенского дома, где много дерева и натуральных тканей. Герой зачастую окружен крестьянами, которые вобрали в себя все стереотипы о традиционной русской культуре: бородатые мужики, игривые девки со звонким смехом, старушки с убаюкивающими голосами – все они, разумеется, одеты в национальные костюмы.

Кроме названных проявлений стереотипов, в фильме рефреном появляются две русские народные песни: «Во поле березка стояла» и «Ты постой красавица моя», при этом они часто появляются в пространстве высшего света, что, на наш взгляд, сложно объяснить. Однако, несмотря на выявленные нами типичные русские образы, мы отмечаем, что режиссер пытался сломать стереотипное прочтение романа. Например, он отходит от принятого образа старика-Каренина. Напротив, Каренин в исполнении Дж. Лоу предстает перед зрителем воплощением благородства, мудрости и чистоты. Он воспринимается зрителем как жертва, измученная истериками Анны.

В финале фильма Каренин появляется в весеннем поле, а перед ним в высокой колосающейся траве играют дети погибшей супруги. Данной сценой режиссер полностью оправдывает Каренина и делает его абсолютно положительным героем. Мы подчеркиваем, что в фильме нет персонажей спорных, всех персонажей можно условно разделить на «хороших» и «плохих», при этом каждый герой становится носителем какой-то одной характерной ему черты, что идет вразрез с многогранностью и неоднозначностью персонажей Л. Н. Толстого. Подобное упрощение характерно как для экранизации русской классики в зарубежном кино, так и для массовой культуры в целом.

Второй популярной тенденцией обращения к национальным стереотипам стало создаваемое **и за рубежом, и в самой России изображение России и русских в современном мире**. Зачастую эти образы вызывают негативную реакцию русских зрителей [1, с. 398]. Одной из самых ярких и популярных голливудских картин о русской культуре стала «Красная жара» У. Хилла 1988 г. Фильм вобрал в себя большинство клишированных знаков как советской, так и русской культуры в целом. Во-первых, обращает на себя внимание характерное обозначение времени и пространства: действие происходит зимой, одним из мест действия является баня, кадры наполнены деталями совет-

ской повседневности (витрины, вывески, гербы СССР), более того, фильм открывает перечисленные знаковых русских панорам (Красная Площадь, Москва-река, различные церкви, памятники, в том числе «Рабочий и колхозница» В. Мухиной). Во-вторых, герои фильма вбирают в себя наиболее популярные представления о русских: Виктор Руставили (Э. О'Росс) – главарь московской наркомафии, который после перестрелки в ресторане «Дружба» сбегает в США; Иван Данко (А. Шварцнеггер) – советский милиционер, он – глуп, немногословен, сдержан, одержим своей миссией, перед зрителями предстает в полном парадном милицейском обмундировании. Наконец, наиболее репрезентативно национальные стереотипы проявились в диалогах героев: от первой реплики о руках литейщиков, привыкших к «жаре» настолько, что могут держать раскаленные камни в ладони, до разговоров о простуде.

Русские герои, появляющиеся в современном зарубежном кинематографе, во многом воплощают национальные стереотипы, их образы схематичны и типизированы. Прежде всего, *это враги*, движимые чувством мести и страха перед всем остальным миром, при этом не лишённые человеческих черт и чувств. Примером может быть Иван Ванко (М. Рурк) из фильма «Железный человек 2» режиссера Дж. Фавро 2010 г. Этот герой интересен тем, что вобрал в себя два характерных для американской культуры русских образа: *русского заключенного* (на что указывают знаковые татуировки) и *ученого*, работающего с ядерным реактором (тема ядерного оружия часто становится знаком русской культуры в современном зарубежном кино). Репрезентативной также является история отца Ивана – Антона Ванко, в который слились образы ученого и советского шпиона, сосланного в Сибирь за провал операции.

Истории о *русских шпионах* в американском кинематографе до сих пор являются актуальными, а корнями уходят во времена Холодной войны, и именно этот период зачастую становится временем действия в фильме. К таким картинам можно отнести «Солт» Ф. Нойса 2010 г., «Шпион, выйди вон!» Т. Альфредсон 2011 г., «Шпионский мост» С. Спилберга 2015 г. В данном контексте мы остановимся на фильме «Взрывная блондинка» Д. Линча 2017 г., создатели которого манипулируют национальными стереотипами, чтобы запутать зрителя. На протяжении фильма режиссер постоянно намекает на то, что главная героиня является советским шпионом, которого она призвана раскрыть (она пьет водку, дерется под песни

Высоцкого и в кинотеатре на фоне «Сталкера» А. Тарковского 1979 г.), однако в финале фильма оказывается, что она не двойной, а тройной агент, преданный правительству США.

Наиболее клишированным и востребованным в зарубежном кино является *образ русского гангстера или русской мафии*. С этими образами мы встречаемся в фильмах «Оружейный барон» Э. Никкола 2005 г., «Порок на экспорт» Д. Кроненберга 2007 г., «Области тьмы» Н. Бергера 2011 г., «Крепкий орешек: Хороший день, чтобы умереть» Дж. Мура 2013 г. Последний фильм можно условно поставить в один ряд с «Красной жарой» У. Хилла. В данном фильме создается объемный клишированный образ не только русского бандита, но и современной России в целом. Главными знаками России становятся пробки на Садовом кольце, обветшалые подъезды домов, шикарны залы ресторанов, дорогие машины, а также разгул бандитизма, судебный произвол, коррумпированная и преступная власть. Например, главные герои фильма угоняют автомобиль, припаркованный в центре столицы, с полным багажником оружия. В контексте анализа репрезентации национальных стереотипов привлекает внимание герой Себастьяна Коха – Юрий Комаров, так как интрига фильма создается за счет смешения стереотипных образов русских: диссидента, неспособного себя защитить и ставшего жертвой политических игр, русского олигарха и одного из самых опасных преступников мира, владеющего и спекулирующего огромными запасами оружейного урана. Подчеркиваем, что снова появляется тема русского ядерного оружия, интересно, что уран хранится в Припяти на месте знаменитой аварии на Чернобыльской АЭС. Аварию условно можно назвать символом недееспособности советской власти, известным всему миру.

Вышеперечисленные тенденции и стереотипы можно встретить и в отечественном кинематографе. Так, например, экранизация произведений русской классической литературы по-прежнему вызывает интерес у российской публики и поддерживается государством, следствием чего стал ряд телесериалов, снятых ведущими современными режиссерами: «Идиот» 2003 г. и «Мастер и Маргарита» 2005 г. В. Бортко, «Преступление и наказание» Д. Светозарова 2007 г., «Тихий Дон» С. Урсуляка 2015 г., «Анна Каренина. История Вронского» К. Шахназарова 2017 г. Во всех названных экранизациях, с одной стороны, была совершена попытка преодолеть стереотипное прочтение того или иного произведения (измене-

ние финала, смещение фокуса с главного героя на второстепенного и т. д.). С другой стороны, все перечисленные телесериалы были направлены на популяризацию классики, а значит, рассчитаны на массового зрителя: премьеры громко анонсировались, серии выходили на центральных каналах и в прайм-тайм. В связи с этим перед зрителем предстают те же клишированные и упрощенные образы и конфликты, что и в зарубежных экранизациях. При этом режиссеры привлекают внимание публики приемами, характерными для продуктов массовой культуры: ускоряют темпоритм, добавляют откровенные сцены, делают акцент на мелодраматических сюжетных линиях. Более того, сам формат сериала позволяет создателям усилить эффект интриги, оборвав серию на «самом интересном месте».

Образ русского бандита в США также был популярен в отечественном кинематографе начала 2000-х гг. Например, фильмы «Брат 2» А. Балабанова 2000 г. и «Давай сделаем это побыстрее» С. Бодрова-старшего 2001 г. Образы русских в данных картинах маркированы такими же знаками русской культуры, что и русские герои зарубежного кино: водка, русская рулетка, русские народные песни, стихи про Родину. На первый план в таких фильмах выходило противостояние меркантильного западного мира и глубоко духовного Русского мира; мира денег и мира «правды». Такое представление берет свое начало в философии рубежа XIX–XX вв., в первую очередь, в трудах Н. Бердяева и В. Соловьева, позже оно укрепилось в противопоставлении советского и буржуазного миров, можно предположить, что данный стереотип в современной отечественной массовой культуре воспринимается как некий след советской идеологии и не воспринимается массовым зрителем всерьез.

В отечественном кинематографе последних лет наиболее актуальна тенденция репрезентации образа России *в фольклорном и историческом контексте*. При этом обращение в кино к знаковым историческим событиям и к фольклорным образам зачастую мифологизирует то или иное событие или личность, актуализирует сакральные стереотипы.

Ярким примером *актуализации фольклорных образов и сюжетов* стал фильм Д. Дьяченко «Последний богатырь» 2017 г. В картине перед зрителем предстает большинство персонажей русских народных сказок и былин: Баба Яга (Е. Яковлева), Кощей (К. Лавроненко), Водяной (С. Брунов) (А. Семчев), Змей Горыныч, Добрыня Никитич

(Е. Дятлов) и др. Художественное пространство фильма построено по характерному фольклорному принципу двоemiрия: реальный мир и мир сказочный. Из современной Москвы Иван (В. Хориняк) попадает в Белогорье – мир, который он призван спасти, найдя Меч-Кладенец. Главный герой вобрал в себя все основные черты Ивана-дурака: он ленив, труслив, но при этом находчив и добр.

Отмечая особенности репрезентации национальных стереотипов, мы обращаем внимание на попытку режиссера их преодолеть. В фильме антигероем становится богатырь – Добрыня Никитич, традиционно персонаж положительный. А персонажи, традиционно воплощающие зло, напротив, предстают истинными героями. Подобное «оборотничество» классических народных образов стало характерным приемом массовой культуры (Дракон из мультфильмов про Шрека Э. Адамсона, Змей Горыныч из мультипликационного цикла «Три богатыря» студии анимационного кино «Мельница»), оно призвано создать интригу, эффект неожиданности и обмануть зрительские ожидания.

Интерес современного отечественного кинематографа к *фильмам, описывающим исторические события*, возможно, связан с характерным для отечественного кинематографа и для русской культуры в целом пассажем, на который указывает Н. А. Хренов [7, с. 503]. Также фильмы, обращенные к прошлому, могут быть проявлением «имперского комплекса» [7, с. 502] или отражением актуальных социокультурных процессов.

В данном контексте, в первую очередь, необходимо обратить внимание на появление в отечественном кинематографе *православной тематики*. Например, в фильмах «Орда» А. Прошкина 2012 или «Владимир» А. Кравчука 2016 г. зритель встречает стереотипное противопоставление образов грязного, аморального язычества и православия как абсолюта чистоты, счастья и порядка. Таким образом, за счет идеализации образов православных происходит мифологизация православной церкви, что может свидетельствовать об усилении современной русской православной церкви и ее влияния на кинематограф.

В названном фильме «Владимир» А. Кравчука (2016 г.) появляется традиционный мифологический образ культурного героя, дающего народу новые нормы жизни [7, С. 409]. Князь Владимир традиционно воспринимался в отечественной культуре именно так. Однако в современном российском кинематографе в качестве культурных

героев предстают нехарактерные исторические личности: А. Парвус в фильме «Демон революции», В. Хотиненко 2017 г. и Л. Троцкий в фильме «Троцкий» А. Котта 2017 г. Образ Троцкого в последнем фильме может быть сравнен со спасителем из «Легенды о великом инквизиторе» Ф. М. Достоевского, где народ, опьяненный и уставший от свободы, дарованной спасителем, добровольно отказывается от нее и создает культ тирана (инквизитора). При этом личность Сталина не демифологизируется, более того, его образ демонизируется и усиливается страхом Троцкого (К. Хабенский). Образом-символом и жизни Троцкого, и захваченной революцией России стал гипертрофированно огромный паровоз, несущийся под руководством Троцкого по России во время Гражданской войны. Сакрализация революции и обращение кинематографа к данной теме в 2017 г. были связаны со 100-летним юбилеем Октябрьской революции.

Однако тенденцию переосмысления и реабилитации советского прошлого можно обнаружить в десакрализации культурных героев Российской империи в таких фильмах, как «Распутин», И. Квирикадзе, 2013 г.; «Матильда», А. Учителя, 2017 г. В обеих картинах образы царской семьи и высшего дворянства лишаются того мелодраматического и трагического звучания, которое было характерно для фильмов начала 2000-х гг. («Романовы. Венценосная семья», Г. Панфилов, 2000 г.). В фильме А. Учителя подчеркивается грубость и импульсивность Александра III, нерешительность и слабость Николая II, абсолютная глупость и нелепость его супруги Александры Федоровны. Таким образом, десакрализация культурных героев Российской империи призвана оправдать революцию в массовом сознании.

В современном кинематографе не теряет своей актуальности образ *Великой Отечественной войны*. В фильмах, снятых на эту тему («Мы из будущего», А. Малюков, 2008 г.; «Брестская крепость», А. Котт, 2010 г.; «Сталинград», Ф. Бондарчук, 2013 г.), война представлена как подвиг народа [2]. Однако мы отмечаем, что режиссеры отказываются от традиционного канона советского военного фильма, смешивая его со штампами американского боевика. За счет этого слияния теряется сакральное значение Великой Отечественной войны, ее образ перестает быть знаковым для отечественной культуры, так как теряется на фоне более красочных и эффектных голливудских боевиков.

В последние годы в российском кино вышли на первый план актуальные в советское время фильмы *о спорте* («Легенда 17», Н. Лебедев, 2013 г.; «Движение вверх», А. Мегердичев, 2017 г.) и *космосе* («Время первых», Д. Киселева, 2017 г.; «Союз 7», К. Шипенко, 2017 г.). Зачастую это фильмы историко-биографические, направленные на возбуждение в зрителе волны патриотических чувств за счет манипуляции стереотипными образами (например, идеализированные спортсмены, тренера, положившие все на благо советского спорта, воплощающее все лучшие стороны советского спорта, или образы противников – образы-маски вобравшие в себя все негативные черты, характерные для спортсмена: агрессивность, высокомерие, глупость и т. д.), а также традиционными для массовой культуры приемами нагнетания напряжения, ускорения или замедления темпоритма, яркой мелодраматической линией и т. д.

Подобные фильмы могут быть интерпретированы как ритуал «приобщения к великим предкам»: зритель испытывает восхищение от изображаемых на экране событий и героев отечественной культуры, при этом на эмоциональном уровне идентифицирует себя с ними [7, с. 497]. По такому же принципу воздействуют на массовую публику такие сериалы, как «Ликвидация», С. Урсуляк, 2007 г.; «Стиляги», А. Бобров, 2008 г.; «Оттепель», В. Тодоровского, 2013 г. В них создается обаятельный, идеализированный и узнаваемый образ, сформированный из знаков той или иной эпохи: костюмы, прически, музыка, знаковые личности и исторические события и т. д. За счет этого происходит идеализация и сакрализация советской культуры в массовом сознании.

Подводя итог, мы можем сделать вывод о том, что есть две основные тенденции репрезентации национальных стереотипов о русской культуре в зарубежном массовом кино. Первая – экранизация русской классики, значительно упрощающая сюжет, конфликт и образы классического произведения. Вторая – изображение типичного русского пространства России (бани, рестораны, поля, Красная площадь и т. д.) и русских героев (ученых, диссидентов, заключенных, шпионов, гангстеров и др.). Однако, несмотря на попытки режиссеров преодолеть стереотипы, характерный круг представлений остается традиционным и воплощен в привычных знаках русской культуры: русские народные песни, национальные костюмы, зимние пейзажи, водка, советская атрибутика и т. д.

Для отечественного кинематографа последних лет наиболее характерна репрезентация образа России в фольклорном и историческом контексте. Фильмы, обращенные к фольклору, манипулируют фольклорными образами и сочетанием народных сюжетов с штампами современного мирового кино. Фильмы на историческую тему призваны вызвать у публики патриотические чувства. На первый план выходят картины, тематически связанные, с актуальной социокультурной ситуацией, для которых характерно переосмысление советского прошлого, его идеализация. В связи с этим наиболее востребованными становятся образ культурного героя и стереотипные образы советской культуры, которые становятся основой мифологизированного образа России в современном отечественном кино. Репрезентация образа России по-прежнему строится на процессах мифологизации и сакрализации.

Библиографический список

1. Ерохина, Т. И. Национальные стереотипы в современной массовой культуре: pro et contra [Текст] / Т. И. Ерохина // Современные глобальные вызовы и национальные интересы : XVI Международные Лихачевские научные чтения, 19–21 мая 2016 г. – СПб. : СПбГУП, 2016. – С. 396–399.
2. Ерохина, Т. И., Тирахова, В. А. Архетипические основания репрезентации образа России: «Чистое небо» Г. Чухрая [Текст] / Т. И. Ерохина, В. А. Тирахова // Ярославский педагогический вестник. – 2016. – № 3. – С. 320–324.
3. Летина, Н. Н. Имидж – образ и оппозиция действительности [Текст] / Н. Н. Летина // Коды массовой культуры: российский дискурс / под. науч. ред. Т. С. Злотниковой, Т. И. Ерохиной. – Ярославль : РИО ЯГПУ, 2015. – 240 с.
4. Липпман, У. Общественное мнение [Текст] / У. Липпман / пер. с англ. Т. В. Барчунова ; под ред. К. А. Левинсон, К. В. Петренко. – М. : Институт Фонда «Общественное мнение», 2004. – 384 с.
5. Набоков, В. В. Анна Каренина [Электронный ресурс] / В. В. Набоков // Лекции о русской литературе. – М. : Азбука. – 2012. – Режим доступа: <http://nabokov-lit.ru/nabokov/kritika-nabokova/lekcii-po-russkoj-literature/karenina-1.htm>, свободный
6. Сорокина, Н. В. Современные концепции определения понятия «Национальный стереотип» в гуманитарных науках: аналитический обзор [Электронный ресурс] / Н. В. Сорокина // Современные исследования социальных проблем. – 2013. – № 5 (25). – Режим доступа: <http://www.journal-s.org/index.php/sisp/article/view/5201341>, свободный
7. Хренов, Н. А. Избранные работы по культурологии [Текст] / Н. А. Хренов. – М., 2014. – 526 с.

Bibliograficheskiy spisok

1. Erohina, T. I. Nacional'nye stereotipy v sovremennoj massovoj kul'ture: pro et contra [Tekst] / T. I. Erohina // Sovremennye global'nye vyzovy i nacional'nye interesy : XVI Mezhdunarodnye Lihachevskie nauchnye chtenija, 19–21 maja 2016 g. – SPb. : SPbGUP, 2016. – S. 396–399.
2. Erohina, T. I., Tirahova, V. A. Arhetipicheskie osnovanija reprezentacii obraza Rossii: «Chistoe nebo» G. Chuhraja [Tekst] / T. I. Erohina, V. A. Tirahova // Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik. – 2016. – № 3. – S. 320–324.
3. Letina, N. N. Imidzh – obraz i oppozicija dejstvitel'nosti [Tekst] / N. N. Letina // Kody massovoj kul'tury: rossijskij diskurs / pod. nauch. red. T. S. Zlotnikovej, T. I. Erohinov. – Jaroslavl' : RIO JaG-PU, 2015. – 240 s.
4. Lippman, U. Obshhestvennoe mnenie [Tekst] / U. Lipman / per. s angl. T. V. Barchunova ; pod red. K. A. Levinson, K. V. Petrenko. – M. : Institut Fonda «Obshchestvennoe mnenie», 2004. – 384 s.
5. Nabokov, V. V. Anna Karenina [Elektronnyj resurs] / V. V. Nabokov // Lekcii o russkoj literature. – M. : Azbuka. – 2012. – Rezhim dostupa: <http://nabokov-lit.ru/nabokov/kritika-nabokova/lekcii-po-russkoj-literature/karenina-1.htm>, svobodnyj
6. Sorokina, N. V. Sovremennye koncepcii opredelenija ponjatija «Nacional'nyj stereotip» v gumanitarnyh naukah: analiticheskij obzor [Elektronnyj resurs] / N. V. Sorokina // Sovremennye issledovanija social'nyh problem. – 2013. – № 5 (25). – Rezhim dostupa: <http://www.journal-s.org/index.php/sisp/article/view/5201341>, svobodnyj
7. Hrenov, N. A. Izbrannye raboty po kul'turologii [Tekst] / N. A. Hrenov. – M., 2014. – 526 s.

Reference List

1. Erokhina T. I. National stereotypes in modern popular culture: pro et contra / Tt. I. Erokhina // Modern global challenges and national interests: The XVI Likhachev International Scientific Readings, on May 19–21, 2016 – SPb. : SPbGUP, 2016. – P. 396–399.
2. Erokhina T. I., Tirakhova V. A. Archetypic bases of representation of the image of Russia: «Clear sky» G. Chukhrai / T. I. Erokhina, V. A. Tirakhova // Yaroslavl Pedagogical Bulletin. – 2016. – № 3. – P. 320–324.
3. Letina N. N. Image – vision and opposition of reality/ N. N. Letina // Codes of popular culture: the Russian discourse / under scientific editorship of T. S. Zlotnikova, T. I. Eerokhina. – Yaroslavl : YSPU RIO, 2015. – 240 p.
4. Lippman U. Public opinion / U. Lipman / translated from English by T. V. Barchunov; under the editorship of K. A. Levinson, K. V. Petrenko. – M. : Institute of Fund «Obshchestvennoe Mnenie», 2004. – 384 p.
5. Nabokov V. V. Anna Karenina [An electronic resource] / V. V. Nabokov // Lectures about the Russian literature. – M. : Azbuka. – 2012. – Access mode: <http://nabokov-lit.ru/nabokov/kritika-nabokova/lekcii-po-russkoj-literature/karenina-1.htm>, free
6. Sorokina N. V. Modern concepts of defining the concept «National Stereotype» in the Humanities: state-of-the-art review [An electronic resource] / N. V. Sorokina // Modern researches of social problems. – 2013. – № 5 (25). – Access mode: <http://www.journals.org/index.php/sisp/article/view/5201341>, free
7. Khrenov N. A. The selected works on culturology / N. A. Khrenov. – M., 2014. – 526 p.